Фотограф

Альфонс Доде

Рассказ Альфонса Доде (1840–1897) о семье, которая открыла фотоателье на парижской окраине, — из сборника «Этюды и зарисовки» (1874).

Общественное достояние: срок авторских прав истёк (ст. 1281 ГК РФ).

Фотоархив · https://foto.klustera.tech/biblioteka/dode-fotograf/

У них был вид людей с весьма скромным достатком, вся их обстановка умещалась в ручной тележке, а потому с них взяли квартирную плату вперед. Квартира эта из тех, что приходится «сушить» своими боками: они живут на шестом этаже совсем нового дома, на одном из больших незастроенных бульваров, где много дощечек с надписями, строительного мусора и пустырей, обнесенных заборами. Запах свежей краски стоит в трех комнатках, залитых прямо падающим светом, от которого голые стены кажутся еще более неприглядными. Первая от входа комнатка — ателье с застекленным потолком, напоминающим парниковый колпак для дынь, и с переносной печкой, темной и холодной; в топке лежит кучка угля, которую разожгут только когда явятся клиенты. По стенам развешаны семейные снимки: отец, мать, трое детей, сидя, стоя, обнявшись, порознь — во всевозможных позах; затем несколько памятников и выцветшие от солнца виды сельских местностей. Все это относится к тому времени, когда они были богаты и когда отец занимался фотографией для развлечения. Теперь они разорились, и, не зная никакого другого ремесла, он пытается создать его себе из воскресной забавы.

Аппарат, на который дети взирают с боязливым восхищением, занимает почетное место посредине ателье; он словно вобрал в свои медные, сверкающие новизной части, в прозрачные и толстые выпуклые стекла всю роскошь, все великолепие этого убогого жилья. Остальная обстановка вся ломаная, старая, источенная древоточцем, и очень скудная. На матери дрянное, поношенное платье на черного шелка и клочок кружева на голове — одежда продавщицы в лавке, куда редко заходят покупатели. А отец, желая поразить клиентов своим видом, щеголяет в нарядной шапочке, какую носят художники, и в бархатной куртке. В жалком великолепии своего наряда он имеет такой же «новый» вид, как и его аппарат; глаза у него простодушные и удивленные, за высоким, открытым лбом таится множество

иллюзий. А как он, бедняга, суетится, как серьезно относится к своему новому занятию! Надо слышать, как он говорит детям:

— Не входите в темную комнату!

Темная комната! Можно подумать, что это пещера прорицательницы…

А в глубине души он очень встревожен: после того, как он заплатил за квартиру, за дрова, за уголь, у него не осталось ни одного су. А если клиенты не явятся, если выставочная витрина внизу у подъезда никого не приманит, что будут есть малыши вечером?.. Ну, авось, бог поможет… Устройство на новой квартире закончено. Нечего больше приготовлять, нечего натирать до блеска. Теперь все зависит от прохожих.

Минуты ожидания и тоскливой тревоги… Отец, мать, дети — все стоят на балконе и караулят. Среди множества идущих по улице людей найдется же, черт возьми, кто-нибудь, кто захочет сняться!.. Но нет… Толпа снует по тротуару, люди сталкиваются, расходятся; никто не останавливается… Нет, остановился! Какой-то господин подходит к витрине. Он рассматривает один за другим портреты, у него довольный вид, он сейчас поднимется наверх. Дети в восторге и уже предлагают затопить печку.

— Подождем еще, — осторожно говорит мать. И она права! Господни не спеша продолжает свой путь. Проходит час, другой. Становится пасмурно. Набегают облака. Однако здесь, наверху, можно было бы еще сделать отличные снимки… Э, да не все ли равно, раз никто не приходит!.. Ежеминутно возникают волнения, мнимые радости, на лестнице слышатся шаги, которые приближаются к самой двери, а затем внезапно удаляются. Один раз даже позвонили, кто-то спрашивал прежнего жильца квартиры. Лица вытягиваются, на глаза навертываются слезы.

— Не может этого быть… — говорит отец. — Наверно, кто-то снял нашу витрину… Сходи, малыш, посмотри.

Мальчик вскоре возвращается, вид у него удрученный. Вывеска на месте, но ее все равно что нет: никто не обращает на нее внимания.

А тут еще дождь пошел… На застекленный потолок ателье с легким насмешливым стуком падают дождевые капли. Бульвар чернеет зонтиками. Все входят в комнату, запирают окно. Дети зябнут, но семья не решается затопить печку, в которой лежит последний уголь. Все в горестном изумлении. Отец крупными шагами ходит по ателье, судорожно сжимая кулаки. Мать прячется, чтобы никто не видел ее слез… Вдруг один из мальчиков, который воспользовался проблеском солнца и вышел на балкон, начинает барабанить в оконное стекло:

— Папа, папа!.. Кто-то стоит внизу, у витрины!

Он не ошибся. Это какая-то дама, и, честное слово, очень приличная! Она с минуту разглядывает фотографии, колеблется, поднимает голову… Ах, если бы все эти взоры, устремленные на нее сверху, обладали силой магнита, она бы вихрем взбежала по лестнице!.. Наконец дама решается. Она входит в подъезд, она поднимается наверх. Вот она. Спичка быстро подносится к топке, малышей отсылают в соседнюю комнату. И пока отец поправляет шапочку, мать бросается отпереть дверь, взволнованная, улыбающаяся, скромно шелестя старым шелковым платьем.

— Да, да, сударыня, здесь…

Оба хлопочут вокруг клиентки, усаживают ее. Она южанка, довольно болтлива, но очень приветлива и покладиста — ей не жаль своего профиля. Первый негатив не удался. Велика важность! Начнем снова, только и всего!.. И, не проявляя ни малейшего неудовольствия,

южанка опять ставит локоть на стол и подпирает рукой подбородок. Пока фотограф располагает складки юбки и ленты шляпки, слышатся взрывы приглушенного смеха и толчки в небольшую застекленную дверь. Это теснятся дети, пытаясь подглядеть, как отец подсовывает голову под зеленое сукно аппарата и неподвижно замирает, словно апокалиптический зверь с огромным прозрачным глазом. Когда они будут большие, они все сделаются фотографами!.. Вот, наконец, фотограф торжественно приносит хороший негатив, с которого стекает вода. Дама узнает себя в этом сочетании белых и черных пятен, заказывает дюжину карточек, платит вперед и удаляется в полном восторге…

Она ушла, дверь за ней заперта. Всеобщее ликование. Выпущенные на волю дети, взявшись за руки, пляшут вокруг аппарата. Отец, взволнованный первой съемкой, величественным жестом отирает лоб. Потом, так как день на исходе, мать поспешно спускается купить что-нибудь на обед — вкусный праздничный обед в честь новоселья, а также, — чтобы в деле был порядок, — большую конторскую книгу с зеленым корешком, и в нее красивым крупным почерком вписываются день сдачи заказа, фамилия южанки и цифра кассовой наличности: двенадцать франков! Правда, благодаря паштету и торту с кремом, которыми отпраздновали новоселье, благодаря мелким закупкам топлива, свечей и сахара цифра расходов равняется цифре доходов. Ну так что же! Если сегодня, в дождливый день, в день переезда, заработали двенадцать франков, судите сами, каков будет заработок завтра. И вечер проходит в том, что они строят всякие планы. Просто не верится, сколько замыслов может вместиться в квартирку из трех комнат на шестом этаже, окнами на улицу!..

Назавтра великолепная погода, и ни души. За весь день ни одного клиента. Что поделаешь! Так бывает во всех коммерческих предприятиях. К тому же осталось немного паштета, и дети

не ложатся спать с пустыми желудками. На следующий день опять ничего. Выстаивание на балконе начинается снова, но безуспешно. Южанка приходит за своей дюжиной, и это все. Вечером, чтобы купить хлеба, пришлось заложить тюфяк…

Так проходят два дня, три дня. Началась настоящая нужда. Злополучный фотограф продает свою бархатную шапочку, куртку. Ему остается только продать аппарат и поступить в магазин рассыльным. Мать в отчаянии, приунывшие дети даже не выглядывают больше на балкон.

Но вот в субботу утром, в тот момент, когда они этого меньше всего ожидают, раздается звонок. Это свадьба, целая свадьба взобралась на шестой этаж, чтобы сняться. Жених, невеста, шафер, подруга невесты — всё милые люди, они раз в жизни надели перчатки и жаждут запечатлеть это событие. В этот день заработок фотографа составил тридцать шесть франков. Назавтра вдвое больше. Значит, предприятие окрепло… Вот одна из тысячи драм мелких парижских предпринимателей.